

Фильм собрал отличную кассу, клип также вызвал горячий отклик и получил единодушное одобрение критиков. В центре внимания оказалась смена амплуа: чистая и невинная девушка успешно примерила на себя сексуальный образ. Разумеется, в репортажах так или иначе упоминали и Чжан Вэйдун, поэтому его популярность тоже поползла вверх.

Хотя окружающие считали, что Чжан Вэйдун просто воспользовался славой Чжао Юй, в мире хватало поверхностных людей, которым нравилась лишь его внешность.

В итоге у Чжан Вэйдуна появились свои фан-клубы и форумы в интернете, а в реальности — группы поклонников. До уровня топовых звезд ему было еще далеко, но в процветающем шоу-бизнесе он уже совершил переход из разряда невидимки в начинающие артисты.

Однако Чжан Вэйдун не обольщался. Он знал, что долго на пике не продержится, ведь в индустрии постоянно появляются новички, и многие готовы идти по головам, чтобы добиться успеха. Без знаковых работ удержаться на плаву невозможно. Как он и предполагал, спустя месяц-другой популярность начала спадать, а число фанатов сократилось с сотен до нескольких десятков человек.

К этому Чжан Вэйдун отнесся спокойно: он лишь на время одурачил этих людей своей внешностью, но никогда не трогал их души.

Однако с приходом летних каникул случилось то, что выбило его из колеи.

У Даху снова неприятности.

На этот раз его не просто избили, его связали.

Когда Чжан Вэйдун поднял трубку, Даху в панике кричал:

— Дунцзы, спаси меня! Они хотят сломать мне ноги, еще и пальцы отрубить, умоляю, спаси! Меня почти до смерти забили, помоги...

Чжан Вэйдун припарковал машину на обочине и глухо произнес:

— Что случилось? Говори толком.

— Я... я... я просто идиот! Эта стерва хочет со мной развестись, у меня было паршиво на душе, поэтому... поэтому...

Чжан Вэйдун так сжал челюсти, что заболели десны:

— Поэтому ты, черт возьми, снова пошел играть?

Даху зарыдал в трубку:

— Я виноват! Правда виноват! Я подонок, не человек! Напился, накурился травы, сам не понял, как в таком состоянии проиграл целое состояние! Теперь они не выпускают меня, бьют без остановки, даже пить и есть не дают. Говорят, если никто не придет меня выкупать, сделают калекой.

Чжан Вэйдун холодно ответил:

— Будешь калекой — и ладно, меньше вреда другим принесешь.

Он уже собирался сбросить вызов, как снова услышал вопли Даху:

— Дунцзы! Они отрубят мне пальцы, правда отрубят! Я больше никогда не смогу играть на гитаре, уж лучше сразу умереть! Дунцзы, спаси меня!

— Черт! — Чжан Вэйдун с силой ударил по рулю.

Даху сам виноват, и сочувствия он не заслуживал, но что заставило Чжан Вэйдуна дрогнуть, так это общая преданность музыке.

Чжан Вэйдун был таким же. Без музыки он даже не понимал, зачем живет.

Они знали друг друга с детства, в каникулы пропадали вместе, сочиняя музыку. Поскольку ни у кого из них не было возможности получить профессиональное образование, они всего добивались сами, усердно тренируясь и нащупывая свой путь. Они были счастливы до прыжков, когда удавалось целиком сыграть одну мелодию. Повзрослев, даже сталкиваясь с нищетой, горечью и безысходностью, они никогда не думали о том, чтобы сдаться.

Если он действительно потеряет музыку, его душа умрет, как и душа Даху.

Чжан Вэйдун прочувствовал это всей душой, поэтому не мог остаться в стороне.

Он глубоко вдохнул и спросил:

— Сколько ты должен?

Когда он услышал сумму, которую Даху выдал из себя заплетающимся языком, он сорвался и разразился бранью:

— Триста тысяч! Да чтоб тебя! Где я возьму триста тысяч? Я что, несущу золотые яйца или печатаю деньги? Ты, проклятый ублюдок!

Через мгновение из трубки донеслись звуки ударов и крики Даху.

Затем связь прервалась.

Чжан Вэйдун швырнул телефон, выругался и обхватил голову руками.

Десять тысяч, которые он дал Даху в прошлый раз, были почти всеми его сбережениями. Ему еще нужно было оплачивать дорогостоящее лечение тети. Триста тысяч — это просто астрономическая сумма! У него не было ни акций, ни фондов, ни недвижимости, никаких активов. Даже одного гроша достаточно, чтобы загнать героя в угол, что уж говорить о сотнях тысяч!

Оставить Даху на произвол судьбы? Чжан Вэйдун спросил себя и понял — он не может.

Поэтому у него не было другого выхода, кроме как обратиться к Сяо Цзюньгу.

Он снова завел двигатель, выехал на дорогу и развернулся.

Сяо Цзюньгу был крайне удивлен, что Чжан Вэйдун пришел просить у него денег.

Он сидел за рабочим столом, крутил в руках авторучку, а уголки его губ слегка приподнялись в загадочной улыбке.

Чжан Вэйдун сидел напротив, опустив взгляд на свои колени, и чувствовал себя крайне неловко. Он не знал, согласится ли Сяо Цзюньгу. Этот человек порой был слишком непредсказуем. Если тот выдвинет неприемлемые условия, он не согласится — он и так сделал для Даху всё, что мог.

Улыбка Сяо Цзюньгу стала шире. Он не спешил с ответом, а спросил:

— Ты пришел ко мне, чтобы помочь Даху, верно?

Он уже знал о ситуации. Чжан Вэйдун кивнул:

— Да.

Сяо Цзюньгу снова спросил:

— Ты обедал?

Чжан Вэйдун опустил голову и промолчал.

— Еще нет, значит. Что хочешь поесть? Я скажу секретарю заказать еду из столовой...

Чжан Вэйдун не хотел ходить вокруг да около и перебил его:

— Дашь денег или нет? Скажи прямо.

— Не дам, между нами не принято занимать. — Сяо Цзюньгу достал чековую книжку, снял колпачок с ручки и, заполняя бланк, добавил: — Раз уж ты пришел, я хотел позвать тебя пообедать, но забудь, аппетита у тебя сейчас все равно нет.

Чжан Вэйдун взял протянутый чек, взглянул на него и серьезно произнес:

— Я верну как можно скорее.

Сяо Цзюньгу знал, что тот его не слушает, поэтому просто пожал плечами.

Чжан Вэйдун убрал чек в кошелек, встал и вышел из кабинета.

Сяо Цзюньгу окликнул его:

— Я давно не видел Даху. Как-нибудь договорись о встрече, приходи и ты, посидим, повспоминаем старые времена.

У Чжан Вэйдуна в кармане лежали деньги другого человека, поэтому он мог лишь согласиться.

Он перевел средства на указанный счет, и вскоре Даху смог выйти на свободу.

Чжан Вэйдун доехал до Чэнчжунцуня, где смешались все слои общества. Выкурив в машине две сигареты, он увидел, как Даху, прихрамывая, переходит улицу в его сторону. Он вышел, открыл заднюю дверь и буквально запихнул туда Даху, а затем грубо начал его ощупывать, заставляя того взвыть от боли.

Закончив осмотр, Чжан Вэйдун отвесил ему подзатыльник:

— Почему они не покалечили тебя, идиота!

Хотя Даху не лишился конечностей, его изрядно потрепали. Чжан Вэйдун увидел, как он трет живот, и, глядя на этот жалкий и одновременно вызывающий ненависть вид, даже перестал его ругать. Он сел на переднее сиденье и завел мотор:

— Хоть крови нет, но лучше съездить в больницу и пройти полное обследование.

— Не нужно, — преодолевая боль, сказал Даху. — Постоянно тебя беспокою, мне уже стыдно. Со мной правда всё в порядке, отвези меня домой.

Чжан Вэйдун обернулся:

— Точно в порядке?

— Точно! Не впервой получать побои, я не такой уж неженка. Натрусь маслом — и снова буду как огурчик.

Чжан Вэйдун увидел, что, несмотря на синяки и ссадины, дух у того бодрый, и настаивать не стал.

Даху жил в старом доме в Чэнчжунцуне. Чжан Вэйдун, подставив плечо, медленно дотащил его до пятого этажа. Как только они вошли, он остолбенел. Неизвестно, сколько Даху не убирался: повсюду хлам, ступить негде — настоящий свинарник.

Даху сбросил одежду и обувь с дивана на пол, освобождая место, и виновато усмехнулся:

— Хе-хе, садись, где хочешь.

Чжан Вэйдун присел и раздраженно произнес:

— В прошлый раз десять тысяч я дал из старой дружбы, в этот раз — ради твоих пальцев. Больше такого не будет. И не говори, что у меня нет денег. Даже если бы я был богат, предпочел бы отдать их на благотворительность, чем тратить на тебя.

Даху поспешно признал вину и спросил:

— Где ты взял столько денег? У тебя из-за этого не будет неприятностей?

Чжан Вэйдун ответил небрежно:

— Одолжил у знакомого, у него денег куры не клюют.

Он сходил вниз за едой. Поев, они нашли в шкафу лечебное масло, и Чжан Вэйдун растер Даху грудь и спину, после чего добрых десять минут отмывал руки. Видя, что буря миновала, он, вытирая руки, отрезал:

— Еще раз пойдешь играть — не попадайся мне на глаза. Если, конечно, не хочешь, чтобы мы перестали общаться.

— Я больше ни ногой, это был минутный порыв, я просто сошел с ума, — заверил Даху.

Чжан Вэйдун машинально взял фотоальбом, лежащий на тумбе под телевизором. На снимке была семья из трех человек: жена Даху выглядела вполне приятной женщиной, а сын — смышленным и милым мальчуганом. Листая дальше, он увидел старые фотографии, в основном групповые: он сам, Сяо Цзюньгу, Сяоху.

Глядя на эти полные юности лица, Чжан Вэйдун почувствовал одновременно и близость, и отчужденность. Всё изменилось.

Он мельком глянул и закрыл альбом:

— Постарайся помириться с женой, живите нормально.

Даху кивнул:

— Я понял.

Чжан Вэйдун никогда не был любителем долгих нотаций. Он отложил альбом, встал и покинул эту двухкомнатную съемную квартиру.

Как только он закрыл дверь, Даху достал телефон и набрал номер тех, кто давал деньги в долг в казино.

— Алло, деньги уже сняли? Где? Хорошо, сейчас приеду заберу...

Вечером в пять тридцать, в самый час пик, автобусная остановка была забита людьми, обливающимися потом.

Ветра не было, знойное лето в Гуанчжоу давило, как в парилке. От асфальта поднимался жар, мимо остановки с ревом проносились частные автомобили, поднимая потоки пыли и выхлопных газов.

Даху, волоча больную ногу, торопливо ковылял к указателю, вытянув шею и озираясь по сторонам.

Вдруг кто-то похлопал его по плечу. Даху резко обернулся, на его испещренном ссадинами лице появилась улыбка:

— Брат Ли.

Крепкий Ли приподнял подбородок и развернулся. Даху поспешил следом. Они вышли из толпы и направились под ближайший путепровод.

Ли подозрительно огляделся, достал черную сумку, выудил оттуда пачки стоюаневых купюр и протянул их:

— Вот, всего семьдесят тысяч. Пересчитывай.

Даху коснулся свежих, ярких красных купюр, и его пальцы задрожали. Он в спешке начал рассовывать их по всем карманам:

— Не нужно считать, я тебе доверяю. Спасибо.

Ли спросил:

— Не ожидал, что у тебя, парень, есть такие связи. Где нашел такого простака?

Даху замялся:

— ...Да так, старый однокурсник. Вижу, у него дела идут неплохо, вот и...

Ли задал вопрос просто из любопытства. Увидев, что деньги припрятаны, он решил, что пора уходить:

— Мои парни немного перестарались, не обессудь. Если будут еще такие дела, обращайся, мы, дунбэйцы, люди слова. Бывай.

Даху закивал:

— Не обессудь, что ты. Счастливого пути, брат Ли, еще увидимся.

Он проводил взглядом Ли, который сел в красный «Сантана», и сплюнул на землю:

— Тьфу, пошел ты к черту, дунбэйская сволочь!

С такой суммой в кармане ехать на автобусе было опасно — любой карманник мог обчистить до нитки, поэтому он поймал такси. Эти семьдесят тысяч стоили ему крови и слез, он получил их, переступив через совесть.

Он действительно проиграл деньги в казино, и всё, что говорил Чжан Вэйдуну, было правдой, за исключением суммы долга.

За одну ночь Даху проиграл двести тысяч. Когда к нему вернулось здравомыслие, он был в шоке, словно гром среди ясного неба ударил.

В подпольном казино его заперли в темной камере, не выпуская, пока он не вызовет кого-то с деньгами для выкупа. Даху получил несколько раз побоями, выдержать это было невозможно, а бандиты угрожали сделать его калек. Делать было нечего, пришлось звонить Чжан Вэйдуну.

Но он зависил сумму на сто тысяч. Тридцать тысяч из них ушли той банде в качестве оплаты за «труды».

На самом деле он не был уверен, поможет ли Чжан Вэйдун, ведь тот терпеть не мог игроманов. Но он был уверен в одном: если тот решит помочь, триста тысяч не станут проблемой.

Ведь несколько месяцев назад Даху своими глазами видел, как Чжан Вэйдун сидел с другим мужчиной в лавке с закусками. Они сидели очень близко, мужчина постоянно подливал Чжан Вэйдуну воду, подавал салфетки — их отношения явно были непростыми.

Позже он пытался прощупать почву, и по уклончивым реакциям Чжан Вэйдуна лишь убедился в своей догадке: их отношения не только не просты, но и не предназначены для чужих глаз. Чжан Вэйдун смешон — думает, он не видел звезд или не знает жизни? Тот «Хаммер НЗ» и наряды — разве начинающий артист может себе такое позволить?

А тот мужчина, так заботливо ухаживающий за Чжан Вэйдуном, — он узнал бы его из тысячи — это Сяо Цзюньгу!

Вспомнив это имя, Даху сжал кулаки и холодно усмехнулся.

Триста тысяч — это пустяк. Даже если бы это были деньги Сяо Цзюньгу, он бы без тени сомнения взял и три миллиона.

Потому что Сяо Цзюньгу задолжал ему столько, что никакими деньгами не расплатиться.

Даху велел водителю ехать к универмагу «Маое», там его жена работала продавцом, скоро должен быть конец смены.

Из-за развода и опеки над ребенком они годами то сходились, то расходились. Даху душой прикипел к музыке, а жена не хотела жить с мужчиной, который не может прокормить семью. Похоже, их тяжба будет длиться еще долго.

Этот пятничный день отличался от других.

Сяо Цзюньгу насильно привез Чжан Вэйдуна на озеро Байюнь. Цель поездки — рыбалка.

Чжан Вэйдун, конечно, не хотел ехать. Он относился к таким дням как к выплате долга: пришел вечером, ушел утром. Фиксированный процесс, словно идешь на казнь, зато хотя бы знаешь, чего ожидать. Но Сяо Цзюньгу настоял: вечером у него важный ужин, где будут присутствовать старшие члены семьи, и уйти раньше времени было нельзя.

Средь бела дня Чжан Вэйдуну совсем не хотелось быть с ним рядом, поэтому он спросил:

— Почему обязательно рыбалка?

Сяо Цзюньгу ответил:

— Рыбалка — отличный отдых на свежем воздухе, помогает обрести душевное спокойствие.

Чжан Вэйдун фыркнул:

— Не слышал, что горбатого могила исправит?

Сяо Цзюньгу слегка кивнул:

— Но я слышал другую пословицу: упорство превратит железный прут в иголку.

Чжан Вэйдун промолчал. Этот человек говорил об иголке, а на самом деле стачивал его углы, дрессируя так, как ему хотелось.

Сяо Цзюньгу часто играл в такие игры и получал от них огромное удовольствие.

На берегу озера Чжан Вэйдун плюхнулся под зонт, закурил и уставился на зеленую гладь воды.

Сяо Цзюньгу открыл багажник, достал снасти, присел на корточки и начал суетиться. Он насадил наживку, забросил крючок и лишь в конце протянул удочку Чжан Вэйдуну.

Тот взял ее, небрежно отложил в сторону, даже не взглянув, и продолжил курить.

Сяо Цзюньгу не стал настаивать, установил свою удочку и сел рядом с Чжан Вэйдуном. Хотя он приехал рыбачить, улов его не особо интересовал. Он откинулся на деревянном складном кресле, подложив руки под голову, с самым ленивым видом.

Несмотря на жару, у озера дул легкий ветерок, то и дело пролетали птицы. В такой обстановке время будто замедляло свой бег, подтверждая древнюю мудрость — украсть у жизни полдня досуга.

У Чжан Вэйдуна не было такого настроения. Посидев немного, он заскучал и сходил к машине за пивом.

Сяо Цзюньгу скосил на него взгляд:

— Пить с самого утра — на кого ты похож?

Чжан Вэйдун сделал глоток горькой жидкости, сжал банку и язвительно ответил:

— А на кого ты хочешь, чтобы я был похож?

К удивлению, Сяо Цзюньгу всерьез задумался, а затем, чуть улыбнувшись, ответил:

— Характер помягче, терпения побольше, привычки нужно менять. С интеллектом — терпимо, а вот эмоциональный интеллект — совсем не годится. И еще: не будь таким вспыльчивым, чуть что — сразу в драку.

Чжан Вэйдун помрачнел и счел нужным напомнить:

— Может, не будем усложнять простые вещи?

— Что ты имеешь в виду?

— Босс, ты платишь, я продаю свое тело. Ты просто получи удовольствие, натяни штаны и веди себя как приличный клиент, остальное тебя волновать не должно. Спасибо.

— Не называй меня боссом. — Сяо Цзюньгу не любил этого, его лицо помрачнело.

Чжан Вэйдун тоже нахмурился. Каждый раз, когда они начинали разговор, через пару фраз всё заходило в тупик.

В итоге обоим расхотелось рыбачить. Они сидели на берегу спиной друг к другу, погруженные в молчание.

Время утекало сквозь пальцы. Когда солнце начало клониться к закату, Сяо Цзюньгу поднялся и вытащил из воды садок. В нем плескался единственный за день карась.

— Дунцзы, смотри, — Сяо Цзюньгу взвесил садок в руке и улыбнулся: — Живой, и размер неплохой. Пока есть время, заберем его, сварю тебе суп, будет очень вкусно.

Чжан Вэйдун посмотрел на бьющегося в садке карася и сказал:

— Отпусти.

Сяо Цзюньгу замер, пристально глядя на Чжан Вэйдуна.

— Ты никогда не любил рыбу. Если она уже доставила тебе удовольствие от рыбалки, к чему убивать ее?

— Ты помнишь, что я не люблю рыбу? — выражение лица Сяо Цзюньгу стало странным.

Чжан Вэйдун не хотел продолжать тему и промолчал.

Сяо Цзюньгу молча смотрел на него некоторое время, а затем внезапно перевернул садок. Зеленоватый карась упал на землю, открывая и закрывая рот, — казалось, он мучается без воды. Рыба не успела даже дернуться, как оказалась под каблуком.

Сяо Цзюньгу придавил голову рыбы ногой, достал сигарету, прикурил и, выпустив дым, произнес:

— Я могу отпустить ее обратно в озеро, а могу вот так раздавить. Убивать ее или нет — зависит только от моего желания.

В его словах был скрытый смысл. Чжан Вэйдун закрыл глаза:

— Тогда делай, как хочешь.

— Ты сказал, как хочу. — Сяо Цзюньгу убрал ногу, а затем с силой пнул рыбу подальше от берега. Он наклонился к самому лицу Чжан Вэйдуна и выдохнул струю дыма: — Смотри, какая она жалкая, прямо как ты.

У Чжан Вэйдуна сжалось сердце, тот удар будто пришелся по самой его душе.

Сяо Цзюньгу был слишком жесток. Без единой капли крови он дал понять: даже не мечтай, что я тебя отпущу!

<http://bllate.org/book/20766/2083751>